

СМЕРШ —
спецназ Сталина

ВОЛЫНСКАЯ МАДОННА

*Александр
Тамоников*

СМЕРШ – спецназ Сталина

Александр Тамоников

Волынская мадонна

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Волынская мадонна / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2018 — (СМЕРШ – спецназ Сталина)

ISBN 978-5-04-091198-1

1944 год. На Волынь прибывает оперативная группа майора СМЕРШа Станислава Шелеста. Его задача – расследовать обстоятельства гибели партизанского отряда, воевавшего в этих краях против националистов. Шелесту удастся найти чудом выживших участников последнего боя. На допросе одна из свидетельниц созналась, что это она привела отряд в засаду. Боевая партизанка и вдруг – предательница... Опытный оперативник чувствует, что женщина нарочно оговаривает себя. А что, если она действует по указанию бандеровцев? Майор решает использовать появившийся шанс и выйти на бандитское подполье...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091198-1

© Тамоников А. А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Тамоников

Волынская мадонна

© Тамоников А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

10 июля 1943 года в волынском селе Кустищи повстанцами УПА был зверски убит некий Зигмунд Ян Рамель, посланник польского правительства в изгнании. Хохочущие поборники независимости порвали его лошадьми. Он прибыл на Волынь для ведения переговоров с УПА, и ему крупно не повезло. Впрочем, как и генералу Владиславу Сикорскому, чей самолет 4 июля потерпел крушение над Гибралтаром.

Правительство в изгнании возглавил Станислав Миколайчик, опытный боец закулисной дипломатии. Но остановить надвигающуюся катастрофу он уже не мог. Численность польского населения на Западной Украине «корректировалась» и раньше, но функционерам ОУН и УПА требовалось большего. Гибель Рамеля наглядно показала – переговоров не будет.

Ад разверзся вечером 11 июля, когда командиры повстанческой армии получили прямой приказ. Началась совместная операция подразделений УПА и Службы безопасности ОУН. Вздрогнул округ Волынь-Подолье, начались массовые убийства лиц «неправильной» национальности.

Состав из десятка пассажирских вагонов покинул Ковель и отправился на запад около одиннадцати вечера 11 июля. Он без остановки прогрохотал через станцию Мазовую и взял курс на Возырь, небольшой городок в сорока километрах от Ковеля. Около полуночи вошел на станцию и встал на главном пути, с которого был экстренно убран эшелон с углем. Паровоз пыхтел, из трубы валил дым. Скрипели двери тамбуров, покрикивали офицеры. Крепкие, выносливые мужчины, обвешанные оружием, высыпали из вагонов, строились на перроне.

Батальон СБ ОУН был укомплектован почти полностью. Недостатка в добровольцах вожди не испытывали. Отдельной формы для повстанцев так и не изобрели. Они носили какие угодно мундиры без знаков различия, польские конфедератки, немецкие кепи, советские пилотки с украинским трезубцем вместо звездочки. Подсумки Красной армии, патронташи вермахта, за спиной походные ранцы из брезента и телячьей кожи, холщовые вещмешки. Арсенал у бойцов был самый разнообразный, от немецких «МП-40» и карабинов «маузер» до советских «ППШ» и укороченных винтовок Мосина. Повстанцы оживленно переговаривались, разноголосый гул висел над шеренгами. Прохаживались командиры, выкрикивали распоряжения.

Прибежал смертельно бледный дежурный по станции, на его счастье, украинец. Он мялся, теребил замызганный флажок.

Станцию охраняли небольшие подразделения ваффен-СС и вспомогательной полиции. Солдаты в черной униформе стояли на крыльце вокзала, с интересом следили за происходящим. Переговаривались офицеры с молниями в петлицах. Из грузовика, стоящего за углом, высовывались головы в касках, мерцали огоньки сигарет. Немецкое командование в происходящее не вмешивалось, контролировало ситуацию. Пусть резвятся эти недоделанные вояки, мечтающие о собственном государстве.

Несколько человек, бряцая амуницией, припустили вдоль состава, попрыгали на полотно за последним вагоном.

На другой стороне между поездами растерянно мялись двое дорожных рабочих. Еще недавно они устраняли неисправность в чугунной сцепке между товарными вагонами, закрепляли тормозной шланг. Оба присели, оледенели от страха. В полумраке блестели испуганные глаза. Они видели, что происходит на другой стороне состава. С перрона доносилась многоголосая украинская речь.

– Марек, что им надо? – пробормотал один из них. – Это же хохлы, их тут целая прорва. Марек, зачем? Их и так хватало в городе, что происходит, Марек?

– Вот же пся крев!.. – выругался второй, выходя из оцепенения. – Слухи гуляли, Франтишек, да я не верил. Убивать нас будут, вот что происходит. Бросаем все, бежим со станции, уводим семьи, пока не началось. Нырй под вагон, чего ты застыл!

– Подожди, Марек. – У молодого паренька от страха застучали зубы. – Но здесь наш дом, мы же работаем, устроены на этой станции. Марек, может, у них учения или еще что. Евреев ловят, цыган каких-нибудь. Нас же взгреют, если сбежим с работы.

– Ты совсем дурак? Тикаем, тупая башка!

Они опоздали! Уже бежали между путями люди с оружием, метались лучи карманных фонарей.

– Ни с места! Кто такие? – проорал на мове рослый молодчик.

Франтишек сделал попытку встать, получил удар по спине, повалился и захныкал:

– Прошу пана, мы свои, здесь живем и работаем. – Он заикался, путал украинские и польские слова.

– Так то же ляхи, хлопцы! – восторженно выкрикнул молодчик. – Вали их, чтобы нашим воздухом не дышали! Нечего ждать!

– И впрямь, Микола! – заявил его приятель. – Часом раньше или позже!..

Носок тяжелого сапога вонзился в висок Франтишека. Тот схватился за голову, продолжал умолять. Хлестнула очередь, повалила его на шпалы. Тело дернулось, затихло.

Марек, пользуясь заминкой, по пояс нырнул под поезд. Повстанцы засмеялись, кто-то занес карабин с примкнутым штыком, вонзил лезвие ему в поясницу, ждал, тянул удовольствие. Потом убийца резко выдернул штык. Тела они оставили на рабочем месте, побежали дальше по шпалам.

– Батальон, смирно! – пронеслось над перроном, и неровные шеренги приумолкли, повстанцы выравнивали носки.

– Батальон, вольно! – гаркнул представительный офицер в яловых сапогах, перетянутый портупеей.

Он выпрыгнул из штабного вагона, размахисто пошел по перрону. За ним едва поспевал ухмыляющийся коротышка с лоснящейся круглой физиономией. Он тоже носил офицерскую форму, хотя в отличие от первого делать этого не умел.

– Младко, выводите людей. Вы знаете, что надо делать! – гаркнул командир.

Он встал посреди перрона, расставив ноги, молча смотрел, как войско, выстроившись в колонны, шумно покидает вокзал. За его спиной осталось отделение повстанцев, личная охрана.

На перрон въехал штабной автомобиль с открытым верхом. За спиной водителя сидели два автоматчика с нарукавными повязками. На V-образных вырезах головных уборов выделялись трезубцы, символ украинской государственности.

С переднего сиденья прыгнул мужчина в форме, бодро направился к рослому офицеру. Тот заложил руки за спину, ждал. В мутном свете перронного фонаря выделялось удлиненное скуластое лицо, четко обрисованный нос, тонкие губы, пытливые глаза под темными бровями. Щекастый помощник обретался сзади, маленькие глазки возбужденно поблескивали. Намечалась потеха, по масштабам превосходящая все, что было раньше.

– Здравия желаю, пан майор! – Офицер, подъехавший на машине, щелкнул каблуками и выбросил руку в нацистском приветствии – явно для эсэсовцев, пяливших на них глаза. – Сотник Жулеба, возырский гарнизон повстанческой армии!

– Майор Горбацевич. Это мой помощник – поручик Кишко. – Он кивнул на коротышку. – Надеюсь, все готово, пан Жулеба? Вы знаете, зачем мы прибыли?

– Так точно, пан майор! – Жулеба снова щелкнул каблуками. – Мною получен приказ из Луцка со всеми сопутствующими инструкциями. Мы в курсе, что операция проводится

по всей Волыни силами нашей армии, усиленной подразделениями службы безопасности. В зоне нашей ответственности расположены семь населенных пунктов, включая непосредственно Возырь. Мы готовы приступить к делу.

– Отлично, – сказал Горбачевич. – Сколько у вас людей, сотник?

– В моем распоряжении две роты, пан майор. Плюс два взвода вспомогательной полиции, набранных из украинских патриотов. А также порядка двух сотен добровольцев из местных жителей, не желающих мириться с засильем ляхов на нашей земле.

– Неплохо. Плюс мои три сотни. Немедленно оцепить все узловые точки, выезды из города, кварталы с компактным проживанием поляков! Списки составлены?

– Так точно, пан майор! Мы выявили всех поляков, проживающих в городе Возырь, селах Бержец, Карнополь, Залесье-Торопецкое, Выжиха, Клещинка, Росны и Поросля. Смешанные польско-украинские семьи мы тоже учитывали согласно поступившему приказу. Это больше четырех тысяч душ, пан майор. – Голос Жулебы слегка задрожал, но выровнялся.

– Что-то не так? – среагировал на это коротышка Кишко. – Вы считаете этот мусор за людей?

– Вовсе нет, пан поручик, – ответил Жулеба. – Поляков на нашей земле быть не должно. Этой грязи здесь не место.

– Что с этими?.. – Горбачевич украдкой кивнул на солдат в немецких касках. – Досадно, конечно, но ссориться с ними – гарантированное самоубийство.

– Немецкая администрация дает нам полный карт-бланш и обещает не вмешиваться в наши дела, если они не коснутся их собственной безопасности. Штандартенфюрер Ганс Хагель ничего не имеет против этого мероприятия.

– Вы понимаете, что люди из так называемой Армии Крайовой будут чинить нам препятствия? У них тоже работает разведка.

– Они не смогут организовать эффективное сопротивление, – заявил Жулеба. – Нам известно местонахождение партизанских баз, часть из них уже ликвидирована, остальные под наблюдением. Агентурная польская сеть в Возыре под нашим колпаком. Активность советских партизан в Ковельском повате незначительная. Есть одна база, некоего Глинского. Она находится в урочище Росомач. Местность труднодоступная, контролировать ее сложно. Но мы вышли на этот отряд, и скоро он будет уничтожен. – Жулеба не удержался от самодовольной ухмылки. – Добро пожаловать в наш штаб, пан майор. Он неподалеку, на улице Загорской, в здании школы. Там вам предоставят списки и план первоочередных мероприятий. Вы сможете поддерживать связь с полевыми подразделениями. Свободная машина за углом, ждет вас.

– Хорошо, я скоро подойду.

Он оправил складку за спиной под португеей и двинулся к крыльцу вокзала, где давно подметил человека в фуражке с высокой тульей. На петлицах в свете фонаря переливались дубовые листья. Офицер держался вальяжно, смотрел насмешливо.

Горбачевич перешел на строевой шаг, выбросил руку в нацистском приветствии.

– Хайль Гитлер, герр Хагель! – У него был неплохой немецкий, который он в далекие тридцатые преподавал неразумным львовским школьникам. – Рад представиться, майор Горбачевич, отдельный батальон Службы безопасности ОУН. Прибыли для выполнения задачи, которую ваше руководство и вы лично, разумеется, одобрили.

– У вас вполне сносный немецкий язык, майор, – заметил высокопоставленный эсэсовец. – Молодец. Если не ошибаюсь, в прошлом году вы служили на командной должности в двести втором батальоне вспомогательной полиции? Знакомое лицо.

– Так точно, господин штандартенфюрер! Я родом из Ковеля, по образованию преподаватель иностранных языков. Выпускник школы абвера, расположенной в Кракове, командовал взводом в диверсионно-разведывательном подразделении «Нахтигаль». В составе батальона спецназа «Бранденбург-800» участвовал в освобождении Львова от ига большевизма. Имею

награды рейха, личную благодарность от подполковника Пауля фон Ланценауэра, командира батальона.

– Похвально, – заявил эсэсовец. – Надеюсь, вы знаете, что делаете, и нам не придется расхлебывать ту кашу, которую вы заварите. Вы же понимаете, что мы делаем с теми, кто зарвался и поставил себя выше великой Германии.

– Так точно, штандартенфюрер! Мы действуем только в русле интересов великой Германии!

– Хорошо, работайте.

Майор удалился, скрипя зубами, хмуро косясь на скалящихся солдат. Политика великой Германии проста и понятна: столкнуть лбами украинцев с поляками. Можно ничего не делать, сидеть и наблюдать, сложив лапки. Сами справятся. Украинцам только того и надо. Зачем вмешиваться? Эта земля исконно украинская, но много лет принадлежала Польше. Оттого-то каждая сторона и считает ее своей.

Повстанцы занимали ключевые объекты и перекрестки, брали под контроль жилые кварталы. С немецкими патрулями они старались не пересекаться, держались от греха подальше.

Машина неслась по ночному городку к школе, расположенной на Загорской.

Рядом с майором пыхтел и что-то бормотал себе под нос поручик Кишко, человек неприятный, недалекий, но исполнительный, обладающий нюхом и преданный со всеми потрохами делу независимости.

Красные партизаны расстреляли его брата, служившего в 209-м полицейском батальоне, мать с отцом, когда те в запале бросились на автоматы. Этот бесноватый тип будет служить до последнего, вешать, резать, лично расстреливать, пока его самого не шлепнут.

Горбачевич исподлобья смотрел на хаты, бараки, массивные трехэтажные дома ближе к центральной части города. За окнами поблескивали огоньки. Встревоженному населению не спалось. Даже украинцам беспокойно было, что уж про других говорить. Губы майора исказила циничная усмешка.

Город замер в тревожном ожидании. Самые сообразительные инородцы искали лазейки, но все они были надежно закупорены. Карательные части выдвигались из Возыря в закрытых грузовиках, выходили на нужный маршрут. Только на Волыни в эту ночь было запланировано обработать 176 населенных пунктов.

Подготовка прошла на должном уровне. Повстанцы действовали четко, правильно. Сегодня им разрешалось все – убивать, грабить, чувствовать себя безраздельными хозяевами на этой благословенной земле.

У здания средней школы грудились грузовые машины – немецкие трехтонные «Мерседесы» и «Опели». Гудели моторы, шумели люди. В кузова загружались бойцы в каком-то подобии униформы и целая свора добровольных помощников, которым осточертело польское засилье. В тусклом свете фонарей мелькали топоры, мотыги, вилы. Можно было подумать, что вся эта свора направлялась на сельскохозяйственные работы!

Четко отдавал приказы заместитель по боевой части, бывший офицер польской армии Младко. Многие там служили, выбора не было. В тридцать девятом он бежал с фронта, прорванного немцами, и быстро перековался в ярого националиста. На этого немногословного вдумчивого мужика Горбачевич всегда мог положиться, знал, что не подведет.

В здании школы было тихо, в отличие от суматохи, царящей во дворе. Горбачевич развалился на продавленной кушетке в учительской комнате, позволил себе на пару минут погрузиться в тишину и покой. Главное, наладить работу. Пусть подчиненные вьются и жужжат как пчелы.

Но нет, лежать не время. Он упруго поднялся, вытряс из планшета карту, развернул на столе. Его люди с задачей справятся, сомнений нет. Восемь населенных пунктов в зоне ответ-

ственности, эка невидаль. Он хищно созерцал расправленную карту, скользил рукой и взглядом по складкам местности.

Возырский повет не такой уж маленький. В городке когда-то проживало двенадцать тысяч населения. Минус евреи, ляхи, большевики, братья-украинцы, сложившие головы за родную страну. Остается не больше пяти. К утру будет не больше четырех, воздух очистится.

Аккуратно постриженный ноготь скользил по городским улицам – Загорская, Лютневая, Домбровича. Городок компактный, вокзал почти в центре, железнодорожная ветка, идущая из Ковеля в Любомир, пересекает его на северную и южную половины. Вокруг поля и небольшие рощи. Все солидные лесные массивы дальше.

Украинские села не в счет, с тамошними поляками местные патриоты сами разберутся. Он выделял карандашом нужные объекты. На западе крупное село Бержец, к северу от него – Залесье-Торопецкое. В трех верстах к северу от Возыря стоит Выжиха, где поляков хоть вилами черпай. Восточнее – Поросля. Там тоже стреляй каждого первого, не ошибешься. Дальше Росны и Прощ, но там уже чужая епархия.

Задумчивый взгляд скользил к югу от города. Густые леса, заболоченные балки, убитые проселочные дороги, на которых практически не появляется немецкая военная техника. На юго-западе от Возыря – польская Клещинка, на юго-востоке – Карнапол, где украинского населения кот наплакал, зато ненавистных ляхов как грязи.

– Часовой!

В учительскую комнату ввалился боец с немецким карабином, в венгерском френче и советских кирзовых сапогах.

– Кишко сюда!

– Слушаюсь, пан майор!

Заместитель вырос быстро, словно ждал в коридоре. Маленькие глазки плутовато бегали. Чувствовал, паршивец, свой звездный час.

– Вызывали, Назар Иванович?

– Сюда смотри, Нестор. – Палец снова пополз по карте. – В Бержец, Порослю, Выжиху и Росны мы уже отправили людей. Берешь взвод, кого там еще из добровольцев, и вот сюда. – Он очертил овал между Клещиной и Карнополем. – Два часа на зачистку. Потом с докладом обратно. Особо разбираться не надо. Наших там давно нет. А если и есть, то сами виноваты.

– Назар Иванович, задачу усвоил. Справлюсь, как и всегда. – Кишко осклабился, небрежно козырнул и вылетел из учительской.

Он вновь задумчиво созерцал карту. К югу от упомянутых сел располагалось обширное горно-лесистое урочище Росомач. В некотором роде терра инкогнита. Болота с извилистыми тропками, скальные массивы с пещерами и запутанными норами.

На востоке от Росомача стояло небольшое село Подъяров с преимущественно польским населением. Тамошние жители поддерживали Армию Крайову и даже советских партизан. Те, конечно, выжимают из крестьян последние крохи, конфискуют продовольствие, лошадей, телеги, но массовое истребление поляков не практикуют.

Память цеплялась за былые события, воскрешала лица, виденные когда-то.

Стало быть, советскими партизанами, засевшими в урочище, командует товарищ Глинский? Давно не встречались, Николай Федорович.

Осень тридцать девятого, город Львов, который наводнили советские войска. Таковы были последствия коварного сговора Молотова с Риббентропом.

Тот факт, что Польша была разорвана на куски, Назара Горбачевича несколько не волновал. Чем хуже полякам, тем лучше украинцам. Но надежда на создание собственного государства быстро развеялась. Впрочем, не сложилось с этим и в дальнейшем, при немцах.

Комиссары хватали всех, кого подозревали в сочувствии националистам. Подвалы лопались от арестантов. Их расстреливали каждую ночь до мозолей на указательных пальцах.

Горбачевич ушел на дно, подумывал убраться из города. Все, кто знал об его связях с Бандерой, давно лежали в земле. Работу пришлось оставить, жил на последние сбережения да на то, что осталось от мертвых родичей.

Все же он загремел в кутузку. Да не за политику, а за историю годичной давности.

Тогда Назар не устоял перед соблазном и оприходовал пятнадцатилетнюю Лельку, ученицу из класса, в котором он преподавал. Хороша была девка, хоть и жидовка, постоянно хлопала на него большими зенками. Ужимки себе позволяла, косые взгляды. Хихикала с подружками за его спиной.

Не вынесла душа поэта. Он отследил ее как-то вечером, затащил в старую котельную да отделал так, что мама не горюй! Лелька выла, плакала, кусалась, чем заводила его еще сильнее. В подвале этой котельной она и осталась.

Впоследствии он истребил множество подобных жидовок – и пулями, и прутьями арматуры, и голыми руками. А вот за эту, первую, чуть не поплатился. Кто-то настучал в милицию, засек его, видать, в ту ночь.

Кабинет, наручники. Усталый майор милиции, поначалу вежливый, показывал ему фото той самой девчонки, смотрел с презрением. Назара даже смех брал. Большевикам заняться больше нечем? Обычная еврейка-малолетка. Таких на Украине миллионы.

Видимо, он ляпнул что-то не то, вот и получил по зубам. Этот выбитый коренной зуб Горбачевич запомнил навсегда! А также физиономию майора, которого люто возненавидел.

Уголовные преступления у Советов были не в приоритете. Следствие не обещало быть долгим и упорным. Но майора Глинского чем-то зацепила эта личность. Он стал копать, тут-то и поперла политика. Связь с господином Мельником, распространение незаконной печатной продукции. Били Назара душевно. Николай Федорович не раз приложил к нему мозолистую руку.

Грядущий расстрел оброс конкретными очертаниями. Почему тянули? К стенке ставили и не за такое. Похоже, Глинский переживал, что нельзя сделать это дважды, и решил продлить его земные муки.

Но не срослось у товарищей. Горбачевич в компании с другими заключенными устроил дерзкий ночной побег. Они захватили оружие, расстреляли охрану и прорвались через добрую половину города. Он ушел невредимым, неделю отсиживался в лесах, потом двинулся на запад.

Назар на какой-то утлой лодчонке переплыл Западный Буг и полез с объятиями к немцам как к родным. Допросы, школа абвера, настоящее дело, за которое не стыдно.

Триумфальное возвращение в сорок первом. Успешные диверсионные акции, и вдруг беда. Полный провал 25 июня.

Группа диверсантов из батальона «Бранденбург» в форме военнослужащих Красной армии возникла в тылу деморализованных войск, захватила автомобильный мост и заминировала его, чтобы отрезать пути к отступлению крупному русскому штабу.

Через мост проходили разрозненные группы красноармейцев, тащились машины с ранеными. Подошли отступающие штабисты, можно было взрывать.

И вдруг знакомое лицо! Глинский уж в войсках, на нем синяя фуражка, он командовал группой умотанных красноармейцев. Сам хромал, голова обвязана, взгляд ни на чем не фиксировался.

И тут словно молния прошила этого подонка! А Горбачевич, как назло, не успел отвернуться. Последовала короткая дуэль взглядов.

Глинский мгновенно все понял и заорал:

– Парни, огонь, это немцы!

Солдаты вроде усталые были, но разом открыли кинжальный огонь по охране моста. Сами многих потеряли, однако перебили практически всех диверсантов, кого-то пленили.

Горбачевич успел кувырнуться через перила моста. Последнее, что он помнил – искаженная физиономия Глинского, палец, давящий на спусковой крючок.

Через день Назар вышел к своим. Те уже знали, что операция провалилась. Последовало дисциплинарное взыскание, но – слава немецкому богу – Горбачевича не расстреляли.

Тогда многим казалось, что немцы раздавят Советы в считанные месяцы. «Котлы», миллионы пленных, стремительное продвижение в жизненно важные районы. У Сталина нет больше сил, он выдохся, не умеет воевать. Ситуацию не исправит даже гигантский репрессивный аппарат, не говоря уж о так называемой любви к Родине.

Почему все пошло не так? Позорное бегство под Москвой. А ведь звезды Кремля в бинокль наблюдали! Окружение под Сталинградом, капитуляция огромной армии Паулюса.

Сейчас немцы пытались что-то выправить под Курском. Манштейн и Гудериан бросали в бой танковые армии, но и силы красных весьма значительны. Поди угадай, чья возьмет.

Пошатнулась вера в величие и непобедимость германской военной машины. Но ведь немцы теперь не пустят красных на Западную Украину, не бывать такому!

– Часовой!

Тот снова мигом ворвался в комнату.

– Жулебу сюда!

– Слушаюсь, пан майор!

Руководителя местной повстанческой банды пришлось подождать. Занятой человек. Хорошо хоть, что не умотал никуда.

– Так ты говоришь, что красными партизанами в Росомаче командует товарищ Глинский, да? Есть сведения, кто такой?

– Удивили вы меня, пан майор. – Жулеба озадаченно почесал затылок. – Вроде из легавых бывших, отделом НКВД заведовал во Львове, сам откуда-то с востока, из Харькова или Горловки. Воевал против немцев, но по-своему. – Жулеба осклабился. – Заградительным отрядом командовал, своих из пулеметов клал, дезертиров расстреливал. Выходил из окружения, застрял в этих лесах и до сих пор выбраться из них не может.

– Имя-отчество знаешь?

– Как же не знать. У меня свой человечек у товарища Глинского имеется, только и ждет удобного случая, чтобы сдать нам всю компанию. Николаем Федоровичем его кличут.

Он, бесово отродье, точно! Наверное, Горбачевич слишком возбудился, глаза забежали.

Жулеба заметил это, насторожился и спросил:

– Приходилось встречаться, пан майор?

– Да, Жулеба, но это неважно. Численность банды?

– Их не меньше ста, пан майор. В банде есть тамошние жители, знающие местность. Но их немного. Банда пришедшая, орудовала на Станиславщине, под Житомиром. Большинство составляют диверсанты, специально подготовленные Советами. Совершали вылазки в нашем округе, в соседнем Кивелинском. У Глинского что-то вроде договора с поляками. Он их не трогает, а они его снабжают продуктами, сведениями.

– Предоставишь мне полную информацию о своем человеке в банде. Вмешиваться не буду, но знать обязан. И не вытягивай мне тут свое личико, пан Жулеба. Одно дело делаем. А то дождешься, у службы безопасности возникнут к тебе вопросы. Иди работай, утром поговорим.

Глава 2

Во втором часу ночи разбежались тучи, выглянула луна, стала подспорьем. Грузовик, набитый карателями, вывернул из-за перелеска, встал под обрывом, с которого сползали лохматые заросли можжевельника. Впереди виднелась разреженная дубрава, за ней в низине стояло село Клещинка.

Люди сыпались на землю как горох, возбужденно переговаривались. Кому-то не терпелось. Торопыги бежали к дубраве.

Хлопнула дверь кабины, на землю прыгнул поручик Кишко.

– Хлопцы, куда рванули? Стоять! Терпения не хватает? Так мы вас враз в арьергард определим! Петро, командуй, да чтобы тихо все было!

Петро Ломарь уже рычал на подчиненных, распределял людей:

– Взводу разделиться на три части, два отделения малым ходом вперед, третьему обойти село, поставить пулеметы на пригорке, и чтобы никакая крыса не ушла! Остальным не топать, не орать, дабы не спугнуть безмятежно спящих покойничков. И не устраивать тут попойку! Что там у вас позвякивает, пьянчуги?

Позвякивал, естественно, самогон. Пили, вопреки указаниям, много и повально. Но военную науку блюли, окружали село тихо и грамотно.

Ночь была в разгаре, в лесу побрякивал филин, над долиной струились завитки тумана. С озера, заросшего ряской, доносились всплески играющей рыбы.

Село строилось хаотично, в нем не было улиц. Хаты возводились на пустырях абы как, лишь бы место хозяина устраивало.

Люди ползли, потом поднялись в полный рост и пошли, кто с карабином, кто с мотыгой. Выкатилась из будки, бренча цепью, лохматая псина, зашлась в истошном лае. Помчалась пьяная толпа с боевыми криками со всех сторон! Коси, коса, пока роса!

Гремели выстрелы, вылетали стекла из оконных переплетов. Собака, жалобно скуля, каталась по пыльному двору.

Кричали испуганные люди в домах. Выскочил на крыльцо рослый мужчина в исподнем, заметался. Пули пригвоздили его к двери, хлопнувшей за спиной. Он сполз на половицы, обливаясь кровью. В доме визжала женщина, плакали дети.

Каратели разбежались по селу. Жители выпрыгивали из окон, падали под огнем. Целая семья выбежала из пристройки, примыкающей к озеру, припустила по тропке вдоль воды. Но им навстречу уже бежали бандеровцы.

Стрельба оборвалась. Убийцы боялись попасть в своих. Зачем им огнестрельное оружие, если никто не сопротивляется?

Негодяи зверели в пьяном угаре, от вида крови еще сильнее кружились головы. Все человеческое стало им чуждо. Ненависть глушила прочие чувства. Уничтожай польское отродье! Слава Украине! Смерть врагам! Шли с вилами наперевес, врывались в дома, били все, что шевелилось, дергалось, скулило, умоляло.

Дома поливали самогоном из бутылок, бросали спички. Пойла было много, не надо его жалеть.

Над Клещинкой вставало зарево. Село пылало. Трещали, рушились обугленные перекрытия, столбы искр взмывали в небо.

Вдруг выскочили из-под дымящихся обломков живые люди, устремились к лесу. Кто-то энергично засвистел им вслед. Ударил пулеметчик, с удобством расположившийся на вершине холма. Люди падали как подрезанные.

По горящему селу среди распростертых трупов бродили пьяные каратели. Они выкрикивали здравницы своей несуществующей стране, желали врагам поскорее подохнуть, а героям – обрести славу. Никто не ушел от расправы. Село Клещинка перестало существовать.

– А ну, пьянчуги, выходи строиться! – надрывно прогрохотал Кишко, который выглядел отнюдь не трезвее прочих. – Нам еще в Карнапол, забыли? Пожары увидят, все разбегутся! Бегом к машине! Живее, хлопцы!

Да, до убийц доходило. Ведь веселье еще не кончилось. Будет жутко обидно, если сорвется заключительная часть. Подонки кинулись вверх, к дубраве.

Впрочем, эта жуть пришлась по душе не всем. Белобрысый парень с топором за поясом, житель улицы Светличной в Возыре, был смертельно бледен. Он отставал, еле волочил ноги. Запнулся о труп девчонки-подростка, схватился за горло, его вырвало.

Потом он растерянно обернулся и уставился на горящее село. Тела валялись между пылающими хатами. Бандиты уничтожили всех, раненых старательно добили.

Парень облизал пересохшие губы. Приступ тошноты снова скрутил его горло.

– Впечатлительный ты, да, Ульянов? – пророкотал Павло Присуха, кряжистый мужик в распахнутой безрукавке.

В руке он сжимал окровавленную мотыгу, за спиной болтался немецкий «МП-40».

Он схватил парня за шиворот, подтолкнул и заявил:

– А чего тогда вызвался, если такой нежный? Топай, юнец, набирайся опыта у старших товарищей!

Парень промолчал, засеменил дальше.

Толпа валила через дубраву. Водитель вывел машину на дорогу. По прямой до Карнапола версты три, по петляющей дороге – порядка шести.

Кишко был прав. Не такие уж тупые эти поляки, разглядят зарево на месте Клещинки и ударятся в бег. Ищи их потом по кустам и болотам.

Народ с руганью грузился в кузов. Кто-то потерял свои вилы, матерно бранился.

– Ничего, Никола, в Карнаполе новые тебе справим, – заявил его товарищ.

Кишко запрыгнул в кабину, машинально нащупал фляжку в боковом кармане.

Машина тряслась по перелескам. Несколько раз водитель сослепу съезжал с колеи, и пассажиры чуть не вылетели из кузова. Они гоготали как оторванные, кураж взмывал к небесам. Дорога петляла, углублялась в лес, выныривала на пустыри.

А тараканы действительно разбегались! Жители Карнапола видели зарево в Клещинке и хорошо слышали пальбу. Самоубийц среди поляков не было. Людей, не верящих в решительные намерения бандеровцев, тоже не осталось. Но как же скarb, дома, малые детки?

Потеря времени и стубила большинство селян. Добежать до леса удалось лишь тем, кто шел налегке. В Карнаполе было дворов сорок. Там царил суeta. К спасительной чаще бежали люди, нагруженные баулами, мешками, чемоданами. Дети цеплялись за ноги родителей, ревели. Кто-то выводил подводу со двора, яростно стегал лошадь. Другая телега застряла в кювете, мужчины с отчаянными криками пытались извлечь ее оттуда.

Бандеровцы свалились как снег на голову. Польские крестьяне вроде и ждали их, а те все равно появились внезапно.

Машина ворвалась в село, чуть не протаранила застрявшую подводу. Люди бросились врассыпную. Стрелял пулеметчик, не подпускал беглецов к лесу. Полтора десятка карателей высыпали из машины и расстреляли тех мужчин, которые возились у подводы. Содержимое телеги они пронзали штыками и закричали от радости, когда сталь пропоролa что-то мягкое и дрожащее.

Остальные на машине покатали на другой конец Карнапола, чтобы и там закупорить все лазейки. Вскоре село было заблокировано. Убегающих крестьян бандиты косили из пулеметов.

В пороховом дыму метались люди и собаки. Выжившие селяне бежали обратно в дома. Они наивно полагали, что найдут там укрытие, лезли в подвалы и на чердаки.

Каратели снова шли по домам. Для начала они на всякий случай забрасывали туда гранаты, потом входили сами. Не ждали гостей, дорогие ляхи, дай вам бог здоровья?! Трещали выстрелы, стучали мотыги и вилы.

Вспыхнула облитая керосином рига на краю села. Из нее доносился жуткий нечеловеческий вой.

Все происходило быстро, по отработанной схеме. Сопrotивления поляки не оказывали. Комитета самообороны здесь не было.

Село горело, выстрелы звучали все реже. Каратели ликовали. Как же мало нужно для простого человеческого счастья!

Кто-то вынес из подвала здоровенную бутылку самогона. Эту находку убийцы встретили с ликованием. Пойло потекло рекой.

Никто не заметил, как попятился и перелез за плетень молодой парнишка по имени Ульянов. Он только делал вид, что принимает участие в такой вот народной забаве. Рука не поднималась убивать. Его трясло от страха, кровь отлила от лица.

Шепча молитву, он опустился в высокую траву, ползком добрался до оврага, скатился в него. Там валялось мертвое тело. Он отшатнулся от него, как от тощей старухи с косой, на четвереньках припустил прочь, прободал лбом кустарник. Крики остались позади. Парень спешил, умирал от страха.

Он выбрался из оврага вблизи околицы, пополз к поваленному забору. Крайняя хата полыхала, как и все остальные. Ульянов перелез через ограду, зарылся в лопухи, воровато озираясь, полз между грядками.

Не может быть! Он ведь предупреждал этих людей! Тайком прискакал сюда на лошади пару дней назад и сообщил, что бандеровцы, скорее всего, придут сюда с самыми страшными намерениями.

В пылающем доме делать было нечего. Парень полз и озираясь. Сарай на задворках уже догорали. За ними стояла банька. Каратели ее тоже подожгли и убрались, не дожидаясь, пока разгорится пламя. Но баня горела неохотно, потому как была обмазана глиной.

«Подпол в бане!» – сообразил Ульянов.

Он знал, что люк в глаза не бросается, а под землей есть отдельная вытяжка. Труба проложена к склону соседнего оврага. Люди не должны задохнуться в дыму. Хозяин подземную копильню делал, вот теперь она и пригодилась.

Парень сильно волновался. Всякое могло произойти. Не успели, проспали. В лучшем случае заранее сбежали в лес, услышав его предупреждение.

Время поджигало. Свои не должны ничего заподозрить, иначе неприятности будут еще те.

Он прыжками устремился к бане, выдернул из поленицы скомканный кусок брезента, сбил им пару языков пламени, споткнулся на крыльце, вполз внутрь на корточках. Ульянов шарил в темноте, по памяти восстанавливал обстановку. Он нащупал холодную беленую печь, прополз за нее.

Рванный коврик отогнут. Ну, точно, здесь люди.

Парень постучал в закрытый люк, приложил ухо к грязной древесине, прислушался. Под землей кто-то возился, охал.

– Аделька, не открывай, ты с ума сошла, – донеслось оттуда.

– Папа, это Ульянов. Он так стучит, – пробормотала девушка, скрипя засовом.

Ульян снаружи помогал ей откинуть крышку. Его глаза уже привыкли к темноте, он рассматривал чуждое лицо со слипшимися волосами. Даже в такой жуткой обстановке она была красавицей. Сердце парня защемило, пот хлынул со лба.

– Ульянушка, родной!.. – Адель Квятковская бросилась ему на шею, стала покрывать жаркими поцелуями его перекошенное лицо.

Девушку трясло, она обливалась слезами.

– Что же это делается, Ульянушка? Что ваши творят? Разве можно так? Я не верю!.. Нам страшно, Ульянушка, мы еле успели сюда забраться. До конца не верили. Если бы ты не предупредил, что с нами было бы!

Он тоже жутко боялся, обнимал ее за плечи, не давал выбраться из убежища.

– Аделя, милая, не выходи. Здесь вы в безопасности. Если сразу никого не нашли, то больше искать не будут. Подожди, дай взглянуть. – Парень отстранил девушку, перегнулся в подпол и посветил фонарем.

Подземное пространство вытягивалось вглубь. Адель и ее родители заранее подготовили его под убежище, вняли советам. Они расчистили место, навалили мешковину.

На старых матрасах жались друг к другу пожилые мужчина и женщина.

До тридцать девятого года Анджей Квятковский держал пасеку, специализировался на строительстве омшаников. С приходом Советов ушел в совхоз, где числился на неплохом счету. С появлением немцев снова пытался разводить пчел, с трудом сводил концы с концами. Супруга Мотря лепила посуду из глины, что-то продавала на рынке.

Адель была их поздним ребенком. Старшие сыновья погибли. Одного застрелили немцы, другого – патруль ОУН.

Адель приехала в Карнапол из Белостока в прошлом году. Хотела забрать к себе родителей, да обстоятельства сложились так, что ей пришлось остаться. Ульян – обычный рабочий паренек из Возыря, Адель до войны училась на агронома.

Они встретились случайно. Между ними тут же проскочила искра, и все зарябило от разрядов электричества. Притяжение было невероятным. Они влюбились друг в друга всем назло, не в том месте и не в то время. Встречались украдкой, горели от страсти, с полным ужасом представляли свое будущее, которое, судя по всему, сегодня и наступило.

– Убийцы! – прошептала Мотря, обводя пространство подслеповатыми глазами. – Как вы можете? Будьте вы прокляты!

Старик суетился, тряс свою остолбеневшую супругу, бормотал, что все в порядке. Этот парень не такой, хоть и украинец. Он поможет.

Но у женщины помутился рассудок, она повторяла как заезженная пластинка:

– Убийцы, убийцы...

– Милый, что нам делать? – спросила девушка. – Мы спустились в погреб сразу, как только в селе стали стрелять. Что происходит, Ульян?

– Эти негодяи всех убили, Аделька. – У парня ком стоял в горле, он едва мог говорить, гладил девушку по голове. – И в Клещинке, и в Возыре сейчас. Я не с ними, Аделя, не думай, просто воспользовался случаем, чтобы вас увидеть. Подожди, родная, не вылезай, оставайтесь в погребе. Я не могу с вами остаться, они все поймут, а у меня мать в Возыре. Мы обязательно встретимся, скоро будем вместе. Второй раз эти черти сюда не придут. Отсидитесь до рассвета, потом тикайте из села. Тут все равно никого не осталось. Обогните Клещинку, идите на запад, в Гривницкие леса. Людей избегайте, даже советских партизан и солдат Армии Крайовой. Все сейчас злые, голодные, готовые отыграться на первом встречном. А по вам не видно, что вы поляки. Остановитесь в Хомянке. Оттуда все ушли. Найдите подвал, спрячьтесь, сидите и не высовывайтесь. Лучше пару дней поголодать, зато остаться живыми. Я улажу в Возыре свои дела и приду за тобой, Адель. Не по душе мне это безумие.

– Вот ты где! – раздалось вдруг у Ульяна за спиной, и в дверях вырос Павло Присуха.

Глаза его горели дьявольским огнем. Он подбрасывал на руке увесистый топорик.

– С ляхами общаешься, Ульяша? Ай-ай-ай, как же так? Все будет хорошо, говоришь? Не у тебя, хлопец.

Оцепенение не затянулось. Ульян подпрыгнул как ошпаренный. Выследили! Удивлялись, наверное. Мол, какого рожна этот маменькин сынок отправился с нами давить ляхов? В горле у парня перехватило. Какая же тоска, господи.

В баню уже лезли вооруженные бандеровцы. Кто-то схватил Ульяна за шиворот. Он и опомниться не успел, как вылетел из бани и загремел по разломанным ступеням.

– Хлопцы, подождите, – пробормотал парень. – Это свои, они украинцы.

– Да неужто, Ульяша? – спросил Присуха. – Шкура, предатель, любитель ляхов! Мать твою, обмануть нас хотел! – Он в исступлении принялся бить Ульяна по голове.

Тот катался по земле, закрывался руками. Боль была лютая. Он словно оказался в дурном сне.

Завизжала Адель. Она тоже все поняла. Ее схватили за волосы, поволокли из подвала. Крики боли перекрывал громогласный гогот.

На шум прибежал Кишко, быстро все понял, присвистнул. Ну да ничего, в семье не без урода.

Адель кричала, отбивалась, но ее тоже выбросили из бани, швырнули рядом с поверженным пареньком.

Какой-то бандит заглянул в подвал, включил фонарь, потом отстегнул от пояса гранату, выдернул чеку и бросил вниз. Он успел захлопнуть крышку и отскочить. Земля вздрогнула.

Подскочил Гаврила Крытник, ослабилась, схватил девушку за шиворот. Порвалась кофта от резкого тычка, она опять повалилась лицом в крапиву. Адель уже не кричала, только вздрагивала.

– Нестор, смотри, какая краля! – с обидой в голосе воскликнул этот борец за независимость. – Неужто мимо пройдем?

– Некогда нам, хлопцы, – отозвался Кишко. – В Возырь надо возвращаться. Заканчивайте тут.

Он мог бы и сам, да рука устала.

Ульян что-то лепетал, тянулся к девушке, она – к нему. Адель смотрела на него с мольбой, с укором. Как же так, Ульян? Ты кого за собой привел?

Гаврила крикнул, расставил ноги, взялся за топор двумя руками. Толпа заорала.

Ульян от напряжения потерял сознание. Он уже не видел, как отделилась от туловища и покатилась в бурьян голова его любимой.

Своей смерти он тоже не удосужился посмотреть в глаза. Пуля пробила его сердце.

Ночка выдалась покруче Варфоломеевской. Город Возырь застыл от ужаса. Луна спряталась за тучи. Ветер носился по пустым улицам, заваленным мертвыми телами.

Подготовительную работу бандеровцы провели успешно. Квартиры и дома, где жили польские и смешанные семьи, они пометили несмывающимися крестами. Не все верили, что такое возможно – тотальное истребление лиц польской национальности.

Шли валом – Цветочная улица, Загорская, Домбровича, Лютневая. Квадрат за квадратом, переулком за переулком. Негодяи, увешанные оружием, врываются в дома, выбрасывали людей на улицу. Без прелюдий ставили к стенке, не слушали мольбы о пощаде, стреляли по команде «пли».

Убийцы оцепляли бараки и добротные трехэтажные здания, врываются в подъезды. Кого-то расстреливали прямо в квартирах. Других сгоняли по лестнице во двор. Третьих в качестве развлечения заставляли выпрыгивать из окон. Если несчастный выживал, то внизу его все равно добивали.

Попадались и бестолковые люди. При виде чужаков они начинали суетливо собирать чемоданы, стаскивать с вешалок верхнюю одежду, закутывать детей. Каратели хохотали, мол, там вам это не понадобится, и выбрасывали полумертвых от страха жильцов за порог.

Город обливался кровью, исходил стонами. Были люди, наивно полагающие, что смогут сбежать. Они выпрыгивали из окон, спускались по пожарным лестницам. Бандеровцы, стоящие в оцеплении, оттачивали на живых мишенях навыки стрелкового мастерства.

Слухами о предстоящем побоище полнилась земля, да и кресты на собственных заборах и дверях полякам почему-то не очень нравились. Они уходили с вещами, но добирались лишь до ближайшего перекрестка, где их встречал патруль.

В умах людей теснилась безысходность. Многие уже были готовы к смерти, когда от ударов вылетали двери. Мужья и жены обнимались, с тоской смотрели друг на друга, подбадривали улыбками, трепетно прижимали к себе детей, пытались их успокоить. Все хорошо, сейчас мы с вами отправимся в путешествие.

В смешанных семьях убийцы тоже никого не щадили. Раньше надо было думать, когда женились на ляхках да выходили за ляхов.

Бандеровцы грабили опустевшие жилища, выносили оттуда ценные вещи, одежду, посуду.

На улицу Домбровича на командирской машине прибыл сотник Жулеба и схватился за голову.

– Вы какого хрена заразу по городу распространяете?!

Он кинулся в школу жаловаться Горбачевичу. Ссылался на немцев, поборников чистоплотности.

Назар Иванович прибыл к месту событий на собственной машине и даже вылезать из нее побоялся. Кругом царил тошнотворный запах. Он вызвал через посыльного заместителя Младко. Тот прибыл возбужденный, словно из жаркой сечи, и вытянул лицо, когда вместо похвалы получил порцию отборной брани.

– Что за свиньи ваши люди, Младко? Краев не видите? Прикажете от немцев критику выслушивать? Чтобы через два часа все убрали и провели дезинфекцию! Что за гнусная привычка гадить там, где живешь? Мне плевать, кто будет убирать – лично вы, ваши люди или ляхи!

Последний вариант оказался предпочтительным. Побоище было прервано, но оцепление осталось на местах. Теперь всех поляков, пытавшихся выбраться за «флажки», бандеровцы доставляли к продуктовому магазину, расположенному в Бражном переулке.

Перед ними выступил Горбачевич. Если вы желаете, мол, жить, граждане поляки, то придется вам поучаствовать в работе по очистке города. В помощь этим участникам «субботника» бандиты пригнали толпу с еще не зачищенных восточных улиц.

Работали все – старики, женщины, дети. Хоть какая-то призрачная надежда. Ни марлю, ни противогазы, им, разумеется, никто не выдавал. Мертвые тела вытаскивали из жилищ, из подъездов, собирали с улиц, валили на подводы. Скорбный груз увозили за город, в балку, рядом с которой находилась свалка.

Несколько раз вблизи этих мест возникали немецкие мотоциклетные патрули. Солдаты морщились, закрывали рты платками, спешили убраться подальше.

За два часа загаженные улицы были очищены. Всех участников этого мероприятия бандеровцы пригнали в ту же балку, поставили на краю склона. Там были дети, пожилые люди, но это никого не трогало.

– Вы же обещали оставить нас в живых! – с обидой выкрикнул кто-то.

– Мы пошутили. Неужто вы не поняли? – отозвался голос из шеренги автоматчиков, которые тут же хлестнули по толпе свинцом.

И все равно над городом зависла приторно-сладкая вонь. В районе горящей свалки она усиливалась.

Операция подходила к завершению. Карательные команды зачищали от польского населения последние улицы. Здесь людей уже не убивали, загружали на подводы и в машины, отвозили в балку. Там их радостно встречала расстрельная команда, уже набившая руку.

Горбачевич вернулся в школу, где имел неприятную телефонную беседу со штандартен-фюрером Хагелем.

– Вы не слишком перегибаете палку? – вкрадчиво поинтересовался тот. – Мне кажется, что отдельные ваши подчиненные начинают зарываться. Я получаю сигналы о том, что они ругаются с нашими патрулями, ведут себя так, словно уже захватили власть в городе. Не хотелось бы угрожать, господин Горбачевич, но вам придется ставить своих людей на место. В противном случае мы поставим вас.

Горбачевич уверил высокое начальство в том, что отдельные недостатки уже устраняются, к утру в городе будет полный порядок.

Ночь еще не кончилась.

Прибыл возбужденный Кишко, похожий на кота, объевшегося сметаны.

Он доложил, похабно щерясь:

– Клещинка и Карнапол зачищены, потерь нет.

Прибывали курьеры с сообщениями об успешных акциях в Выжихе, Поросле, Бержеце.

А вот в Залесье-Торопецком, что к северо-западу от Возыря, карательное войско споткнулось. Прибыл на лошади запыхавшийся посыльный и обрисовал безрадостную картину. Село приличное, порядка четырех сотен польских душ. Есть и украинцы, но их немного, можно пренебречь.

Два взвода Службы безопасности ОУН ворвались в село с юга, еще одно отделение оцепило его с севера. Дома там расположены компактно, много сил не требовалось. Здание сельской администрации стояло рядом с костелом. Туда и ворвались основные силы карательного отряда.

По улицам прошел человек с громкоговорителем и повелел всем жителям собраться на площади. В противном случае пришлось бы долго выкуривать их из домов. Понятно, что не все придут, но остальных можно и пинками пригнать.

– Это всего лишь собрание, вам незачем волноваться, – вещал человек в громкоговоритель. – До вас будет донесена важная информация от немецкого командования и кустового отдела ОУН.

Многие купились, предпочли не думать головой. Почему собраться нужно всем, включая стариков и детей? Местное население наводнило площадь. Люди поздно поняли, что оказались в западне. Пулеметчики перекрыли все выходы с площади. И началось!..

Бандеровцы орудовали кулаками, прикладами, загоняли людей в распахнутые двери костела. Кто-то вырывался, кричал, что он украинец, как и вся его семья.

– Так не хрен было жить среди ляхов! – рыкнул бандеровец и разбил ему череп прикладом карабина.

Вспыхнула паника, но каратели работали слаженно. С шуточками типа «заодно и помолитесь» они загоняли прихожан в храм, забрасывали туда же маленьких детей. Несколько раз вспыхивала стрельба. Люди пытались вырваться из западни.

Убийцы подожгли костел, но станцевать на обугленных руинах им не пришлось. На севере началась стрельба. Откуда ни возьмись подошли партизаны Армии Крайовой. Они смяли жидкий заслон, поставленный в северной части села, и учинили жуткий переполох.

Не меньше тридцати бойцов подошли к площади и вступили в перестрелку с бандеровцами. Пулеметная дуэль завершилась в пользу поляков. Бравые хлопцы бежали с площади, бросив два пулемета, стали отступать к южной околице, где худо-бедно перестроились.

Отряд Непошивайло потерял семерых, еще несколько бойцов были ранены. Поляки отрезали бандеровцев от площади, установили пулеметы на основных направлениях. Попытки обойти заслоны успехом не увенчались. Карательная группа – не регулярная армия.

Тушить костел поляки не стали. Они выломали двери и вытаскивали из него выживших людей. Кто-то задохнулся, угорел. К завершению спасательной операции рухнула крыша и похоронила под собой многих селян.

К партизанам присоединились те поляки, которые попрятались в домах. Они тащили на площадь чемоданы, мешки с одеждой. Люди Непошивайло все видели, но не могли ничего сделать.

Эти чертовы ляхи увели на север всех своих сограждан, растворились в Белянском лесу. С ними ушли не меньше ста селян – все, кто выжил. Вот же повезло сволочам!

Когда поляки сняли свои заслоны и головорезы Непошивайло ринулись в село, там уже никого не осталось, кроме мертвых. Озлобленные бандеровцы устремились к лесу, но там их встретили пулеметчики, оставшиеся в засаде. Герои потеряли еще шестерых.

Они четверть часа топтались у опушки, но эти черти прекрасно знали свою работу. Куда бы бандеровцы ни сунулись, их везде поджидал плотный огонь.

Непошивайло погиб. Зла у него уже не хватало, поднялся, чтобы бросить гранату, и пал от подлой польской пули.

Горбачевич снова кинулся к карте, впился в нее, как полководец перед решительным сражением. Белянский лес на севере от Залесья-Торопецкого. Да это же западня! Поляки не от лучшей доли туда пошли. У них выбора не было. Иначе они остались бы на открытом месте. Не такие уж стратеги, не видят дальше своего носа.

Несколько квадратных километров разреженного леса, слева и справа болота. Там единственная дорога. По ней они сейчас и идут. За северной опушкой поля, овраги. Ближайшее безопасное место – окрестности Проща, где действует польская жандармерия, сформированная немцами. Но туда еще надо дойти.

Через Возырь и Бержец до Проща ведет вполне укатанная дорога. Крюк, конечно, долгий, но и полякам по Белецкому лесу не близко топать. С ними ведь дети, старики, раненые и обожженные люди.

Все приходится решать самому! Но почему бы не размяться? Полтора часа до рассвета.

Он выскочил из школы в сопровождении свиты и выкрикнул приказ:

– Два взвода на грузовики. Полный боекомплект, пара немецких «косторезов» «МГ-42». Посыльному на лошади оповестить людей погибшего Непошивайло, чтобы продолжали преследование по лесной дороге, выдавливали поляков на север, не давали им засесть в болоте.

Подпоручик Тадеуш Стаднюк понимал, что положение у него весьма щекотливое. Он поздно получил сигнал о нападении УПА на Залесье-Торопецкое, его родное село, из которого он съехал в город еще двадцать лет назад. В отряде 38 бойцов, с которыми он за последний год съел не один пуд соли.

Позиции Армии Крайовой в данном районе были шаткие. Поддержку она получала только от мирного польского населения. Польская полиция, немцы, УПА, украинские крестьяне и городские жители – все враги.

Отношения же с советскими партизанами были сложными, неустойчивыми, зависели от конъюнктуры и настроения. В прямое противостояние не вступали, но и совместно не работали, информацией не делились.

Так вышло и сегодня. Важную новость сорока на хвосте принесла!

Стаднюк собрал народ, что оказался под рукой, и повел через поле. Злости у его людей хватало. Гнали бандеровцев через все село, едва остановились. Трех потеряли. Не было у подпоручика сил развивать наступление.

Перепуганные, обгоревшие люди бросались на шею бойцам, умоляли спасти, вывести в безопасное место. Немного их осталось, но хоть кто-то. Они с трудом передвигали ноги. А некоторые еще и вещи тащили. Хромали старики, визжали напуганные дети.

Все же он увел колонну в лес, оторвался от преследования. Его ребята поторапливали гражданских, помогали им.

Несколько раз вспыхивала ругань из-за вещей, отнятых у беглецов и выброшенных.

– Пани Моника, вы погорячились, любезная. Куда вы тащите этот свой фамильный фарфоровый сервиз, который освятил еще ваш дедушка, бывший уездный ксендз? Он же вас погубит, а попутно и нас всех!

Колонна завязла на лесной дороге, безбожно растянулась. Люди спотыкались, теряли свой скарб. Кто-то ухитрился сломать ногу. Бойцы потащили калеку на волокуше, награждая нелестными эпитетами.

В арьергарде разгорелась стрельба. Только этого не хватало! Тылы Стаднюк заранее усилил, отбились от наседающих карателей. Но те продолжали гнаться, подстрелили двух партизан. Терпеть это соседство было неудобно.

Подпоручик пошел на военную хитрость, решил пожертвовать пулеметом. Он оставил двух бойцов в лесу за обочинами. Они успели окопаться во мху.

Ночные демоны скользили по дороге, спешили догнать убегающих поляков. Доносилась глухая брань. Пулеметчик терпеливо ждал, пропускал противника. Когда передовая группа прошла мимо, он выполз из-за косогора, ударил им в спину из немецкого «костореза», валил их в упор.

Второй боец стал забрасывать гранатами основную группу, спешащую на помощь своим.

Оба поляка героически пали, но преследование выдохлось. Бандеровцев за спиной осталась жалкая кучка.

К рассвету беженцы вышли из леса, изнуренные, со сбитыми ногами, но все живые. Люди брели через поле. Колонна снова растягивалась. Взрослые несли на руках детей. Партизаны покрикивали, призывали поспешить. Нельзя топтаться на юру. Впереди развилка. Надо быстрее ее пересечь, а там еще минут пятнадцать до леса.

Люди сбились в плотную массу, прежде чем перейти дорогу. Если бы они прошли еще немного, то обнаружили бы грузовики в лощине и ухмыляющихся пулеметчиков, ждущих приказа открыть огонь. Никто не чувствовал подвоха.

Пулеметчики в упор ударили по ошеломленной толпе. Люди схлынули с дороги. На обочине осталось не меньше десятка тел. Толпа распалась, народ пустился наутек, но тут не было ни одного укрытия. Женщины инстинктивно прикрывали собой детей.

Пулеметчики палили без передышки. Стволы раскалились, пылали жаром.

Партизаны Стаднюка ругались, падали в траву, передергивали затворы, били наобум, но вряд ли кого-то зацепили. Укрыться можно было только за трупами, но и это не спасало.

Стаднюк высаживал патроны из трофейного «Парабеллума», скрипел зубами, видя, как гибнут вокруг люди. Поднимать в атаку было уже некого. Пули взбили фонтаны рядом с его носом. Он отшатнулся, куда-то покатился. Совсем рядом взорвалась граната.

На поле творилось что-то дикое. Живых оставалось все меньше. Несколько десятков человек устремились обратно к лесу. Пули выщелкивали людей из бегущей толпы, как семечки из подсолнуха. Эта затея изначально была плохой. Невозможно одолеть под огнем открытое пространство. Беглецов становилось все меньше. Скоро легли все. Около тридцати партизан, не меньше сотни мирных поляков – все лежали в поле, никто не ушел.

Ветер гнал от обочины к лесу клубы пороховой гари. Пулеметчики наконец-то передохнули, на всякий случай поменяли ленты.

Бандеровцы начинали шевелиться, перебрасывались шутками, закуривали. Несколько человек с автоматами наперевес побрели в поле.

Горбачевич тоже покинул укрытие, сунул в зубы вонючую немецкую сигарету. Он давно подметил, что запах этого мерзкого эрзац-табака слегка умаляет вонь мертвечины. Назар снял пистолет с предохранителя, прогуливался среди мертвых, добил пульей в голову какую-то живую старуху.

Потом он заметил еще одно шевеление. Среди живописно разбросанных тел лежал светловолосый польский офицер. Мундир с оторванными знаками отличия был измазан кровью. Он тяжело дышал, дрожали пальцы.

Офицер обнаружил внимание к своей персоне, перевалился на бок, потянулся к винтовке, лежащей неподалеку. Сомнительно, что она могла стрелять – земля забила ствол и затвор. Но человек старался, тянулся к оружию как к спасительной соломинке.

Горбачевич с усмешкой наблюдал за его потугами. Когда тот взял винтовку, он выбил ее ногой. Поляк откинул голову, смотрел на врага пустыми глазами, без всяких переживаний. Стоит ли растрачивать себя в такую минуту?

– Ты кто? – спросил Горбачевич по-польски.

– Подпоручик Тадеуш Стаднюк. Четвертая отдельная партизанская бригада Армии Крайовой.

– Серьезно? – делано удивился Горбачевич, манерно задумался и заявил: – Нет, не знаю такой бригады и армии. А ты ведь здесь был старшим. Да, приятель? Поздравляю, пан подпоручик. Ты, как настоящий капитан на судне, последним покидаешь тонущий корабль.

Вздрогнул «Парабеллум» в руке.

«А ведь он даже пощады не попросил», – мелькнула неприятная мысль.

Дело сделали, можно отдыхать. Начинался новый день, 13 июля 1943 года.

Глава 3

– Хлопцы, хорош смеяться, – проворчал Нестор Кишко, натягивая на торчащие уши засаленную пилотку.

Горбацевич тоже хмыкнул, отвел глаза.

Хлопцы перестали смеяться. Теперь они ржали. Без хохота невозможно было смотреть на то, как бойцы УПА выряжались под советских партизан.

Хлопцы развязали два пузатых мешка, высыпали их содержимое в траву. Там были советские пилотки и мятые фуражки, гимнастерки, офицерские кокарды, солдатские звездочки. Нашелся даже отрез кумача. Петро Ломарь от большого ума тут же предложил пустить его на красный флаг.

– Ладно, хватит куражиться, – проворчал Горбацевич. – Все готовы? Строиться на поляне.

С той памятной ночи, когда вся Волынь – да и не только она! – обливалась кровью, прошло два дня. Немедленных акций возмездия со стороны поляков не последовало. Их отряды были разрознены и вряд ли могли противостоять УПА.

Польское население в Возырском повете фактически исчезло. Остались беженцы в лесах да на заброшенных хуторах. Патрули на дорогах периодически отлавливали поляков, пытавшихся пробраться на запад. Бандеровцы с ними не церемонились, отводили в лес и заставляли рыть себе могилы. Проблема состояла лишь в том, что закапывать их приходилось самим.

Остались не обработанными несколько сел, в том числе Подъяров к востоку от Росомача. Но на это местечко у Горбацевича имелся отдельный план.

Товарищ Глинский и его партизанская база не давали майору покоя. Он клещами вытаскивал из Жулебы фамилию агента, затаившегося в отряде, но что с того? Тот сидит на базе и выйти оттуда не может. На это нужна убедительная причина. Пользы с него как с козла молока, во всяком случае в ближайшее время.

Майор очень хотел бы выманить этих товарищей из леса, но как это сделать, представлял смутно.

Он знал, что жители Подъярова контактировали с партизанами, не только с польскими, но и с советскими. Они подкармливали их, снабжали одеждой, информацией.

Наблюдение за селом в последние дни ничего не дало. Партизаны там не появлялись, хотя, конечно, знали, что вытворяла УПА. Затаились, крысы, боятся справедливой мести.

Майор скептически разглядывал свое войско, построенное в две шеренги.

«Не верю!» – воскликнул бы Станиславский, да и хрен с ним.

Да уж, хлопцы выглядели очень мило. Дранные фуфайки в самый разгар лета, кирзовые сапоги, пилотки и фуражки, украшенные пятиконечными звездами. Под ними нахальные физиономии. Одни лишь похабные ухмылки чего стоят!

– Лица сделайте попроще, – хмуро проговорил Горбацевич. – В село придем, никаких пошлостей, вести себя скромно, с достоинством, как и подобает советскому человеку. Звезды отцепить через одного, снять значки, медали. Чего вырядились как на парад? Заправиться, подтянуть мотню и шагом марш, куда я скажу!

Взвод переодетых карателей, ведомый лично Горбацевичем, вошел в Подъяров около одиннадцати утра. Село раскинулось среди жидких перелесков, на берегу вертлявой речки, которую при желании можно было перепрыгнуть. На востоке обрыв, море кустарника.

Липовые партизаны вышли из леса, шагали медленно, выставив немецкие и советские автоматы, озирались по сторонам. Пока им удавалось держать себя в образе.

– По-украински не говорить, – предупредил своих героев Горбачевич. – Не знаете его, так лучше молчите в тряпочку. Только по-русски и на суржике, словно мы с востока.

Тропа спускалась к реке, потом потянулась на бугор. В селе не брехали собаки, не орали петухи. За плетнями, заросшими бурьяном, не замечалось никакого шевеления.

Настоящих партизан, присягнувших на верность большевикам, тут точно не было. Воспаленная интуиция майора тут же почувствовала бы их.

Но село не пустовало. Дернулась занавеска в крайней хате, выглянула бдительная старушка. Из-за сарая выскользнул и зарылся в лопухи какой-то шкет. За оградой, увенчанной горшками, кто-то сидел и, наверное, таращился на чужаков так, что спина чесалась. Объявился на крыльце мужик в рваных портках, робко улыбнулся. Нестор Кишко, волокущий на плече ручной пулемет Дегтярева, приветливо помахал ему.

Бандеровцы миновали крайние хаты и направились к центру села, где стояло приземистое, явно не жилое строение. Это была управа.

Закачалась яблонька за кривым забором, возникла пожилая женщина в платочке. Она моргала, сжимала губы.

– Мать, немцы в селе есть? – на всякий случай поинтересовался Горбачевич по-русски, замедляя ход.

Женщина задумалась, смерила его взглядом, отозвалась по-польски:

– Нет у нас немцев. Да и не было никогда.

Кто бы сомневался. Не полезет доблестная германская армия в такую глушь, куда ведет единственная дорога, да и та покрыта болотной грязью даже в самую жару.

– А хлопцев из УПА когда в последний раз видели?

Женщина вздрогнула, перекрестилась на католический манер. Слово «немцы» она восприняла даже лучше.

– Не хотим мы их видеть, сынок. – Она сглотнула, быстро глянула на пилотку, украшенную звездой, и спросила: – А вы кто такие будете?

– Свои мы, пани, – отозвался Кишко, подойдя к ней. – Советские партизаны. Слышали про таких? Не бойся, мать, не обидим. – Он не удержался, плутовато подмигнул и продолжил: – Разве что сами по чарке нальете да покормите, а то проголодались мы страсть как.

Советских партизан здесь тоже не очень-то жаловали. Но поляки знали, что это было меньшее зло.

– А вы точно не будете грабить и последнее отнимать? – Женщина колебалась, с сомнением смотрела на ухмыляющегося Гаврилу Крытника, заломившего на затылок фуражку с синим окольшем.

– Все в порядке, мамаша, мы свои, – проговорил Горбачевич и двинулся дальше.

Отворилась калитка, вышел усатый, наполовину плешистый мужчина в тонкой безрукавке до колен.

– Господи святой!.. – Он начал судорожно креститься. – Вы красные партизаны?

– Ослеп, дядя? – проворчал Кишко.

– А вы представьтесь, товарищ? – поинтересовался Горбачевич.

– Да-да, конечно. – Мужчина волновался, мял руки, переступал с ноги на ногу. – Я Мачей Брумель, староста здешний. Это Ядвига, жена моя. – Он показал на худую женщину, которая выглядывала из-за поленницы. – Вон там Арнольд Бонкевич, писарь из нашей управы.

За соседней оградой поблескивали очки. Их обладатель тоже не мог похвастаться пышной шевелюрой.

– У него жена и трое детей. Иисус, как мы рады!.. – Он пытливо заглядывал в глаза командиру красных партизан, словно искал в них подтверждения своим словам. – Ведь ходят самые страшные слухи. А нам уходить некуда, у нас тут семьи, хозяйство. Да разве убежишь в наше время, когда повсюду такое?..

– Так, внимание, товарищи бойцы! – Горбачевич поднял руку. – Всем пройти к управе и там расположиться на отдых. Выставить посты. – Он дождался, пока все люди проследуют мимо, закурил.

Староста мялся, ухватился за штукетину, смотрел заискивающе.

– Разве вас не может защитить ваша Армия Крайова, товарищ? – спросил Горбачевич. – Где она, почему не приходит?

– Мы не знаем, – сказал Брумел, задрожал, как-то растерянно через плечо глянул на жену.

Та стояла с опущенными руками, лицо ее становилось мучнистым.

– Мы слышали выстрелы, взрывы, видели зарево от пожаров в ночном небе. Мы не знаем, где Армия Крайова, что происходит в округе.

– Хорошие новости кончились, дорогой староста, примите сочувствие. Бандиты из УПА уничтожили всех поляков в этом районе. Сожжены Клещинка, Карнопол, Бержец, Залесье-Торопецкое, Выжиха, Поросля, Росны. Признаться честно, меня немного удивляет, почему эти негодяи не спалили ваше село.

– Боже правый, не может быть! – Староста покрылся смертельной бледностью. – Что же происходит на этом свете? Ядвига, ты слышала? – Он обернулся. – Нам всем надо срочно уходить отсюда. Господи Иисусе, куда же податься? Они могут появиться в любую минуту. Послушайте, товарищ! – Староста вцепился в руку собеседника. – Вы же советские партизаны, обязаны защищать мирных людей. Вы спасете нас? А мы отдадим вам последнее, что имеем. Есть немного мяса, одежда, зубровка домашнего приготовления, несколько лошадей, телеги. Господи, да за что нам такое наказание? – Староста молитвенно сложил руки, устремил тоскующий взор в небо.

– Наверное, вы, товарищ, сильно нагрели, – пробормотал Горбачевич.

– Что, простите?

– Нет, не обращайтесь внимания.

Постепенно вокруг них стали собираться люди. Подошли мужчины средних лет, женщина в длинной юбке и кожаной безрукавке.

Горбачевич покосился через плечо. Его отряд добрался до управы. Хлопцы держались в рамках приличия, стали располагаться на завалинке, доставать кисеты с махоркой. К ним тоже робко подходили сельчане. Зиновий Гузенко задумчиво всматривался в разрез на рубаше упитанной молодухи, которая пыталась завести с ним разговор.

– Мы слышали, к вам подчас заходят партизаны товарища Глинского, – издали начал Горбачевич. – Их база неподалеку, в Росомаче.

– Заходят, случается, – подтвердил худощавый рябой поляк. – Четвертого или пятого дня были. – Он закашлялся, когда женщина в кожаной жилетке пихнула его локтем под ребро.

– А разве вы не из отряда товарища Глинского? – помедлив, спросил староста.

Он вдруг замаялся, словно начал подозревать людей со звездами на пилотках в чем-то недостойном.

– Нет, мы из отряда товарища Бондаренко, – сказал Горбачевич. – С боями шли из-под Житомира. Сейчас обосновались там, в лесах. – Он неопределенно мотнул головой на восток. – У нас задание – соединиться с отрядом товарища Глинского, чтобы мощным ударом освободить уезд от фашистов и бандеровцев. Мы можем с ними встретиться? У вас ведь есть человек для связи с партизанами?

Селяне растерянно переглядывались. Горбачевич скучнел. Имелся бы у них связной, не стали бы скрывать. Слишком напуганы разгулом националистов.

– Нет никого, товарищ. – Брумел развел руками. – Эти люди сами приходят, когда им что-то надо от нас. Могут ночью появиться, а то и днем. На прошлой неделе из польского комитета самообороны приходили, но сказали, что не могут организовать нам полноценную

защиту. Мало людей и средств. Да и кто мы такие для них? Всего лишь маленькое село на сорок дворов. Нас и осталось-то здесь всего полсотни. Одни уехали, когда еще была такая возможность. Другие недавно ушли да канули. Третьи в Армию Крайову записались. Вы нам можете, товарищи? – Староста упорно давил на жалость. – Нам больше не на кого рассчитывать.

– Эх, товарищи!.. – Горбачевич укоризненно покачал головой. – Конечно, мы постараемся вам помочь. Но вы видите, как мало у меня людей. Они уставшие, голодные, у нас мало боеприпасов. Нам обязательно надо связаться с товарищем Глинским.

– А вы подождите несколько дней, и они придут, – проговорил рябой сельчанин. – В селе еще остались мужчины. Мы поможем вам наладить оборону. А если голодные, так мы вас накормим. Верно я говорю, панове?

Люди робко заулыбались, одобрительно зашумели.

– Да, конечно, о чем речь, – заявил Брумель. – Мы сейчас столы из управы выставим, рассадим ваших людей, женщины поесть принесут, вскроем запасы зубровки.

– Вот это добре, панове. – Горбачевич широко улыбнулся. – С этого и надо было начинать. За дело, товарищи! Почему стоим?

Его хлопцы уже с трудом удерживались в образе. Но ломать комедию, так до конца, чтобы смешнее было.

Хотя ничего особо веселого на горизонте не наблюдалось. Весь маскарад пошел насмарку. Нет в окрестностях Подъярова советских партизан, шифруется товарищ Глинский. Своего человека он в селе не держит, а Горбачевич весьма на это рассчитывал. Ладно, тогда надо хоть за столом посидеть нормально.

Расстарались поляки на славу, притащили столы, расставляли стулья. Суетились женщины, иные по случаю даже надели нарядные рубахи. Польки путались в юбках, тащили из домов чугунок с картошкой, мясо, курицу, рыбу. Мельтешили девочки-подростки, расставляли посуду, стаканы. Прихрамывал пожилой мужчина, нес здоровую бутылку с мутным содержимым. Ее появление самозванные советские партизаны встретили бурными овациями.

Как же приятно, когда непосильная служба приносит хоть какое-то удовольствие! Не сказать, что стол ломился от яств, но на прокорм полутора десятка человек хватило. Бандеровцы отложили оружие, жадно набросились на еду и выпивку. Горилка текла рекой.

Разбитной Павло Присуха опустошил второй стакан и уже лукаво подмигивал девчонке лет шестнадцати с длинной косой. Та скромно тупилась в землю, вымучивала из себя ответные улыбки.

Селяне мялись поодаль, переговаривались, смотрели на едоков с какой-то смутной надеждой. Здесь были дети, старики. Горбачевич прикинул на глаз – десятка четыре наберется.

– Панове, присоединяйтесь! – проговорил он. – Что вы там стоите как бедные родственники? Несите столы, стулья, садитесь рядом.

Мужчины робко смотрели на своих строгих женщин, присоединялись к пиршеству. Обстановка теплела, хотя кто-то из женщин и посматривал на бандеровцев со смутным подозрением. Принесли дополнительные стулья, посуду.

– Миленка, чтоб тебя, чего тарачишься? – проговорил приземистый поляк со сплюсненной головой. – Неси из дома все, что у нас осталось!

Этим людям решительно не хватало праздника. Пир во время чумы их тоже устраивал.

Захмелевший Петро Ломарь хлопал по спине такого же пьяненького собутельника из местных, допытывался, почему тот сидит в селе, а не воюет с оружием в руках против злобных украинцев.

– Да не бойся, пан! – заявил он, наполняя очередной стакан. – Я тебя все равно уважаю, ты молодец, что не бежал из родного села в такое сложное время.

Горбачевич пил немного, украдкой косился по сторонам, но энергично подливал старосте. Брумелю сначала мялся, отказывался, потом уселся со всеми, махнул стакан, за ним и другой.

– Признавайся, дружище, вы точно не имеете связей с партизанами? – допытывался Горбачевич. – Ты пойми, они нам очень нужны. Дело крайне важное.

Нет, эти добрые люди не могли ему помочь. Рады бы, да нечем.

Как-то незаметно веселье входило в раж. Советские партизаны стали позволять себе шуточки, не характерные для их роли, давали волю рукам касательно женского пола. Звучала украинская речь, разбавленная для приличия русскими словами. Сельские мужчины пока этого не замечали, слишком много спиртного в себя влили, но женщины насторожились.

Бойцы УПА наелись и напились. Теперь им хотелось чего-то другого.

– Панове, а где же танцы! – выкрикнул пьяный Кишко.

Из ниоткуда взялась гармонь. Поляк с постным лицом заиграл, заметно фальшивя. Все это звучало и смотрелось как-то жутковато. Поляк был немой, его бледное лицо пересекал давнишний шрам. Он сидел неестественно прямо, смотрел перед собой и растягивал меха.

Женщины танцевали медленный кувяк. Это зрелище трудно было назвать феерическим. Бледные лица, неловкие движения. Но бандеровцы хлопали им и снова тянулись к выпивке.

Павло Присуха потянулся к маринованному огурцу и как-то ненароком обнял девчонку с косой. Та втянула голову в плечи, но ничего не сказала. Он поволок ее к себе на колени, при этом чуть не обрушил половину стола.

Его боевые товарищи заржали. Отчетливо зафальшивила гармонь, остановились танцующие пары. Завизжала девчонка, оказавшись в охапке.

– Сиди, красotka! – прошипел Павло. – Кусаться не буду, обещаю.

Девчонка вырвалась, соскочила с коленей. Он с хохотом погнался за ней, обрушив-таки стол. Отпрыгнули, ахнули женщины. Девочка споткнулась, села в пыль. Присуха догнал объект своей неразделенной страсти, схватил под мышки, потащил в пустую управу.

Это был сигнал к началу боевых действий. Бандеровцы улюлюкали, вскакивали из-за стола. Снова понеслась безудержная потеха!

Мать девчонки бросилась за ней. Гаврила Крытник обхватил ее поперек пояса, приподнял и отбросил. Женщина упала неловко, сломала ногу.

Кто-то опешил, застыл как столб. Другие бросились наутек.

Гармонь протяжно взвыла и заткнулась. Автоматная очередь порвала ее на куски, сбросила гармониста с колченогой табуретки.

Да, теперь все встало на свои места. Подданные бандиты гонялись по пустырю за визжащими бабами. Падали, обливаясь кровью, старики и дети.

– Прекратить огонь! – крикнул Горбачевич через пару минут, когда стрелять стало уже не в кого.

Наступила тишина. Размявшиися бандеровцы снова садились за стол, поднимали упавшие стулья. Не пропадать же добру.

Горбачевич потряс головой, прочистил пальцем ухо, в котором стоял звон.

Кругом привычная картина – разбросанные тела, лужи крови. Кто-то еще шевелился.

Икал, давясь кровью, писарь Бонкевич, зажимал рану на животе. Глаза его стекленели, но он видел, как подошел к нему командир этого вот партизанского отряда. Пуля встряхнула человека, оборвала икоту.

Царапал ногтями землю староста Брумелю. Ранения в принципе были не смертельные. Одна из его рук даже сохранила подвижность. Он с тоской смотрел на Горбачевича и все еще не верил.

– Кто вы? – прохрипел староста, глотая кровь. – Вы не советские партизаны.

– Это очень тонкое наблюдение, – заметил майор. – Даю вам возможность угадать с трех раз, любезный. Ах, уже угадали. – Он выпустил всю обойму в голову старосты.

– Шабаш, Назар Иванович, погуляли, – проговорил Кишко. – Теперь пойдем обратно?

Глава 4

Через три часа в Подъяров вошли настоящие партизаны. Это был приличный отряд, порядка сорока штыков. Бойцы возвращались в Росомач из соседнего уезда. Шли оврагами, потайными лесными тропами, несколько раз цепляли болота, где им приходилось мостить гать.

О том, что произошло в Возырском повете, Николай Федорович Глинский знал лишь понаслышке. Теперь он крайне сожалел о том, что позволил распоясавшимся бандитам совершить такие зверства.

Целью дальнего рейда было посещение села Сакрынъ, затерянного в лесах. Там проходили трудные переговоры с представителями польского Сопротивления. Вся эта дипломатия закончилась ничем. Польские партизаны не выказывали открытую враждебность, но прохладу демонстрировали явственно. Совместный фронт они создавать не желали и активно делали вид, что не знают о планах УПА физически уничтожить всех поляков, оставшихся на Волыни.

Для Глинского во всем этом не было ничего нового, но посланник из Москвы полковник Елисеев, сброшенный с самолета для координации действий всех участников Сопротивления, выглядел взбешенным. Мало того, что промотались пешком в такую даль, так еще и никакого результата! Он брел за Глинским, закутанный в непромокаемый плащ, месил грязь резиновыми сапогами и беспрестанно что-то ворчал.

Время действительно пропало зря. Одно утешение – подкараулили на границе Боженского леса небольшую немецкую колонну, идущую с базы материального снабжения, расстреляли ее к едрене фене, отправили к праотцам не меньше десяти охранников. Запаслись теплыми вещами, консервами, существенно пополнили боезапас. Добычу пришлось тащить на себе, равномерно распределив ее между всеми участниками похода.

За пару верст до Подъярова партизаны извлекли из стога в поле трясущуюся парочку, парня с девкой. Поляки, бежали из Возыря. Шли ночами куда глаза глядят. Уверяли, что к русским, но кто их знает. Днем прятались в укромных местах.

От них Николай Федорович и узнал, что произошло в повете. С цепи сорвалась УПА, показала свое настоящее лицо. Он плевался от злости, клял себя за проявленную недалекость. Ведь у него имелась возможность устроить парочку засад, поумерить пыл этих мерзавцев.

По поводу собственной базы в Росомаче он не переживал. Попасть в урочище постороннему человеку крайне трудно. Как пройти по тайным тропам и не попасть в ловушки, знают только посвященные. А подбор людей Глинский проводил крайне осторожно. Раздражение вызывала лишь неспособность повлиять на безобразия, чинимые в районе бандеровцами. Словно и нет здесь никаких красных партизан!

Из передового дозора прибежал молодой боец Сенька Лепский, взволнованно сообщил, что в селе что-то не так. Слишком уж тихо там.

Николай Федорович рассредоточил людей, отправил вперед разведчиков. Те вернулись какие-то снулые, сообщили, что в селе пусто, можно заходить, но лучше этого не делать.

Похоже, поляков в этой местности бандеровцы истребляли подчистую, от мала до велика. Партизаны блуждали по селу, заглядывали в дома, выясняли, нет ли выживших.

Глинский забросил за плечо «ППШ» и уныло созерцал тела, разбросанные по пустырю. Раненых тут не было. Можно не проверять. После УПА таковых не остается. Нелюди, каких земля не знает. Ладно, убивали бы мужчин, способных держать оружие. Но эти звери кончали всех, включая маленьких деток.

Такого Николай Федорович Глинский никогда не понимал. Кем же надо быть?

Советская власть тоже многое себе позволяла. Бывший майор милиции считал, что на это имелась суровая историческая необходимость. Она высылала, сажала, расстреливала. На той

же Волыни с тридцать девятого года в ходе коллективизации было разрушено и официально снято с учета больше тысячи хуторов. Их жители переезжали в села, а кто-то отправлялся и в Сибирь.

Но при чем тут дети? Хоть одного беззащитного ребенка Советская власть убила?

Вчера он спорил с поляками до хрипоты. Те горели праведной мезтью. Мол, кровь за кровь. Раз хохлы уничтожают польские села, то и мы будем жечь украинские!

И ведь уже начинается. В Кахновском уезде на границе с Польшей поляки из Армии Крайовой атаквали украинское село Чернополье. Ночью пришли, застали врасплох, перебили всех до единого. Конечно, в Чернополье много бандеровской мрази проживало, но ведь были и обычные крестьяне. Так нет, всех под одну гребенку, включая детишек и беременных баб. Неудивительно, если после такого хохлы опять с цепи сорвутся, будут мстить в десятикратном масштабе.

Грузная ворона слетела с тела красивой девушки с длинными косами, подалась на крышу, тяжело махая крыльями. Не наелась еще.

Глинский отвернулся.

К нему подошел, отдуваясь, полковник Елисеев, вытащил пачку «Казбека», молча предложил. Глинский не отказался. Две недели прошло, как сброшен был полковник на их больные головы, а он до сих пор смолит свои папиросы, купленные в Москве. Это сколько же он их с собой припер, да и как? Хлеба человеку не надо.

– Такие вот дела, Николай Федорович, – пробормотал полковник, щелкая немецкой зажигалкой. – Веселый у вас район, ничего не скажешь.

– Веселый, Василий Емельянович, – согласился Глинский. – Так дальше пойдет, веселиться некому будет. Ты да я останемся.

– Не преувеличивай, – сказал полковник. – На Западной Украине очень высокая плотность населения. Евреев истребили, поляков тоже, хохлы друг друга усердно режут, и все равно высокая плотность.

– А толку-то, – заявил Глинский. – Остаются свидомые патриоты, та самая категория населения, которая традиционно ненавидит Советскую власть и готова сотрудничать хоть с Гитлером, хоть с чертом рогатым. Представь, Василий Емельянович, наши через годик сюда придут, немцев на запад погонят. А ведь вся эта бандеровская плесень останется, в леса попрятается, под землю ползет, будет гадить, пока ее под корень не изведешь. А как это сделать, если тут, как ты сам говоришь, очень высокая плотность населения? Слышал про дивизию СС «Галичина»? Она формируется только из добровольцев. Желающие валом валят. Взамен двух убитых десять новых приходят. Немцы еще только обучают дивизию, а про нее уже гуляет дурная молва. Эти вояки орудуют в Польше, в Югославии, во Франции, сжигают мирные поселения, уничтожают партизан с помощью немецкой техники.

– Да, слышал. – Елисеев махнул рукой. – Отборное зверье туда набирают. Вот и получается, Николай Федорович, что наша нынешняя задача – минимизировать те бедствия, что причинит УПА, оказавшись у нас в тылу. Не поляки наши враги. Я не советовал бы сейчас тебе связываться даже с немцами. Эшелоны под откос – другое дело, а вот затяжное противостояние с фрицами – это неправильно. Их отсюда выбьют. Дело не в немцах, а в поборниках так называемой самостийности. Ты понимаешь, о чем я?

– Да уж не маленький, Василий Емельянович, – сказал Глинский.

– Что тут произошло, по-твоему? – спросил полковник. – Столы накрыты, выпивка, закуска, опять же гармошка. Думаешь, поляки под стволами все это принесли и развлекали бандеровцев?

– Думаю, те под наших рядились. – Глинский поморщился. – Сказали, что не дадут в обиду, вот сельчане и расстарались. А как нажрались да напились, давай зверствовать.

– Товарищ командир! – подбежал Володька Кондратьев, смысленный заместитель по разведке. – Пусто, не осталось никого. Может, кто-то утек, если повезло. Они перед управой побоище устроили, а потом по домам прошли, в зажиточных хатах все перевернули, забрали ценные вещи. Мы несколько мертвых старух нашли да мужика безногого. Эти сволочи развлекались, вилами к полу прибивали. Жечь дома не стали, уморились, наверное. Или лень было.

– Я понял, Володька, – буркнул Глинский. – Бери людей, проверь все подходы к селу, особенно с запада. – Когда Кондратьев убежал, командир отряда повернулся к Елисееву и проговорил: – Как бы не по наши души приходили эти упыри. С поляками покончат, за нас возьмутся. Им постоянно надо кого-то убивать. У них людские резервы неистощимы, плюс немцы, а у нас бойцов кот наплакал. Дождемся Кондратьева с докладом и будем уходить на базу.

Доклад последовал раньше, чем ожидал Глинский. Разведчики бежали навстречу ему от западных строений.

– Николай Федорович, назад! – Кондратьев замахал руками, запыхавшись, и сообщил: – Сенька Лепский на скалу забрался, а оттуда всю округу видать. Колонна по дороге катит. С той стороны. – Он показал рукой на юго-запад. – Росомач объехали, с опушки подбираются. Несколько трехтонных «Опелей». Пока непонятно, бандеровцы это или немцы. Думаю, пронюхали, что мы на подходе, Николай Федорович, задумали от леса нас отлучить. Не пройдет у них этот номер!

Ясный перец, что не пройдет!

Он был в родной стихии, отдавал внятные лаконичные команды, для выразительности усиливал их чисто по-русски. Его люди, давно научившиеся выполнять приказы, мигом пришли в движение. Партизаны через огороды выбегали на северную околицу, ныряли в бурьян, исчезали в нем.

Глинский пересчитывал их. Вроде все на месте. Молодые, но неплохо подготовленные парни, натасканные на секретных базах. Все рассредоточились на краю лощины, терпеливо ждали приказа.

Прибежал Сенька Лепский, съехал в лощину на тощей заднице и жизнерадостно сообщил:

– Колонна встала на опушке, от нее отделились с полдюжины пехотинцев, движутся по буеракам к селу. Остальные вроде ждут. Если телиться не будем, то можно припустить на северо-запад и незаметно просочиться в лес.

Притвориться невидимками партизанам не удалось. Они одолели половину пути по складкам местности, когда за их спинами загремели выстрелы. Одного бойца пуля зацепила за руку.

На опушке забегали люди. Это было подразделение УПА в немецких мундирах и кепках-мазепинках.

– Поднажмите, парни, уйдем! – прохрипел Глинский, хватаясь за сердце.

Возраст уже не тот для беготни с препятствиями.

– Кондратьев, бери двух бойцов, пулемет и прикрывайте, потом догоните. – Командир отряда понимал, что это чистое самоубийство.

Заместитель по разведке немного побледнел, но кивнул, подозвал двух бойцов. Они отделились от колонны, струящейся по балке, ушли влево. Через минуту загремели пулеметные очереди.

Машины пришли в движение, кто-то на ходу запрыгивал в кузов. Товарищи затаскивали его, награждали тумачами. Грузовики прыгали по кочкам, тряслись борта, едва не отрывались тенты, закрепленные на стальных дугах.

Дорога змеилась вдоль опушки, повторяя очертания кромки леса. Машины попали под пулеметный огонь, продолжали двигаться, но шли рывками.

Пулеметчик пристрелялся, теперь бил с упреждением. Меткая очередь продырявила капот головной машины, просадила колесо.

Водитель резко затормозил, и в этом состояла его ошибка. Кузов занесло, задняя часть грузовика прочертила эффектную дугу. Машина встала, перегородила проезд. Объехать ее было нереально.

Водитель второго грузовика решил рискнуть, но переднее колесо сразу же провалилось в глубокую борозду. «Опель» накренился, в нем истошно ругались люди. Шофер переключал передачи, рвал машину взад-вперед, но она только все глубже погружалась в глинозем.

Пулеметчик продолжал долбить. Двое партизан поддерживали его из автоматов.

Бандеровцы выпрыгивали из машин, залегали. Из капота головного автомобиля валил дым.

Три фигурки перебежали по полю, рассредоточились ближе к дороге, используя складки местности. Новый шквал огня обрушился на залегших бандитов. Те беспорядочно отвечали, перекатывались. Партизаны тоже меняли позиции.

Хлопцы, засевшие в кювете, готовили к бою немецкий «МГ-42», вставляли ленту, раздвигали сошки. Проигнорировать такую наглость партизаны не могли и перенесли огонь. Пули разметали глину на бугре, порвали мелкий кустарник. Один герой УПА ткнулся носом в землю. Второй извивался под откосом с простреленным плечом.

К пулемету, ствол которого смотрел в небо, уже спешили двое других. Бандеровец припал к прикладу, выдал тугую очередь. Под прикрытием огня поднялись его соратники, стали перебегать, паля из карабинов.

Партизаны встретили их дружным градом свинца. Несколько бандеровцев повалились замертво. Остальные отползали. Из-за машины крыл подчиненных матом раскрасневшийся командир, потрясал «вальтером».

Этого парня Володька Кондратьев знал в лицо, как, собственно, и всех командиров так называемой повстанческой армии, орудующей в этом районе. Сам сотник Жулеба, прославившийся жестокими акциями в отношении мирных жителей.

«Размяться решил, в поле выехать? Видно, поступил сигнал, раз на поимку нашего отряда отправили не самую мелкую сошку», – подумал он и не пожалел половину пулеметного диска, чтобы раскрошить в щепки борт автомобиля.

Жулеба не успел залечь, в него попали как минимум три пули. Он извивался, истекал и харкал кровью.

Гибель командира не осталась незамеченной. Хлопцы отползали, прятались за застрявшими машинами. Из капота головного грузовика выбивалось пламя, занимался тент.

Партизаны подползли ближе, отчаянно рискуя. Парни переглянулись с Кондратьевым, уловили посыл. Каждый швырнул по две гранаты, не щадя сил, как можно дальше. Поднялась завеса пыли и дыма.

Партизаны Глинского гуськом перебежали дорогу, вламывались в ошетинившийся кустарник. Многие выражали недовольство. Почему не приняли бой, отправили на верную смерть Кондратьева и еще двух парней? Другие ворчали, мол, достанется вам еще боев, отведете душу. Раз командир приказал, значит, надо.

Устраивать дополнительную заварушку Глинский не планировал. Потери могли быть больше, к тому же он собственной шкурой отвечал за жизнь и драгоценное здоровье полковника Елисеева. Тот не был трусом, но тоже не спешил расстаться с жизнью. Бежал, наступая на пятки, тяжело отдувался, да еще и шутил. Дескать, думал, что с нормами ГТО давно покончено, ан нет, возвращается спортивная молодость.

Воздух за их спинами сотрясаясь от грома пулеметных и автоматных очередей, рвались гранаты. Люди Кондратьева вели отчаянную перестрелку.

Дымовая завеса оказалась очень кстати. Колонна втягивалась в лес, в котором партизаны были как дома. Они пересекали лощины, заросшие орешником, обходили груды бурелома по знакомым тропкам. Гром боя стал еле слышным, потом оборвался. Чаща уплотнялась, растительность вздымалась непроходимой стеной.

Минут через пятнадцать отряд спустился в овраг, по дну которого и пролегал маршрут на базу.

– Привал, – объявил Глинский. – Пять минут курим и топаем дальше. Ковальчук – в дозор!

Бойцы с мрачными лицами усаживались на землю, доставали курево. Глупо рассчитывать, что Кондратьев и его ребята выжили в этом аду. Разговаривать людям не хотелось, они курили, прятали глаза.

Николаю Федоровичу тоже было не по себе. За два с небольшим года войны он так и не привык отправлять людей на смерть. Как-то стеснялся, что ли. В обычный бой – другое дело, там всегда есть шанс выжить.

Хороший парень Володька Кондратьев, грамотный, веселый. На Татьяну, правда, как-то туманно поглядывал, да и она на него. Это Николаю Федоровичу крайне не нравилось.

Кряхтел, гнездясь на склоне, полковник Елисеев.

Глинский невольно усмехнулся. Ничего, пусть разомнется на лоне природы. Это не на кожаной кушетке валяться в кабинете на Лубянской площади.

Время перекура еще не истекло. Наверху вдруг радостно закричал дозорный Ковальчук. Никто и моргнуть не успел, а по склону уже катился Володька Кондратьев, вполне себе живой, здоровый, улыбка от уха до уха, и даже пулемет не потерял. За ним еще двое, измазанные как черти, но меньше всего похожие на мертвецов.

– А что это мы тут грустили? – радостно проговорил Кондратьев. – Неужто похоронили кого? Почему сидим, товарищи, о чем скорбим?

Партизаны засмеялись, задвигались, бросились обниматься с Володькой, хлопали по плечам его людей.

Невероятно!

– Кондратьев, доложить!

– Слушаюсь, товарищ командир! – Володька манерно вытянулся во фрунт. – Докладываю. Всыпали бравым хлопцам по самые гланды, аж сами удивились. Одна машина подбита, человек шесть отправили червей кормить, включая сотника Жулебу. Эта личность, Николай Федорович, вам, конечно, знакома. Враг зол, деморализован, побежал за нами в лес, но отстал, где-то ходит, аукается, наверное, грибы собирает.

Партизаны ржали. Какое ни есть, а удовольствие. Заливался хохотом Сенька Лепницкий, немного обиженный за то, что Кондратьев не взял его с собой. Парни сразу оживились, к ним вернулись силы. Теперь они могли воевать дальше, прямо сейчас уходить на свою базу, запрятанную в урочище.

Лишь полковник Елисеев недовольно ворчал. Не дали толком отдохнуть! Впрочем, претензий к этому командировочному ни у кого не было. Он в чужом монастыре свои порядки не чинил, сносил тяготы и лишения точно так же, как и все остальные, без скидок на звание и возраст.

Отряд уходил в глубину леса. Овраг петлял, но западное направление выдерживал. Когда он сгладилился, по дебрям оставалось пройти не больше версты.

Бойцы вступили на замаскированную тропку. У приметной раскидистой осины они передавали по цепочке команду: максимум осторожности! Несчастных случаев здесь пока не

бывало, но техника безопасности того требовала. Проволока, висящая над тропой, была почти незаметна. При ее натяге сработали бы две мощные лимонки, упакованные от непогоды в кожаный футляр. Уцелели бы немногие. Опасное место партизаны обходили. Желаящих перепрыгнуть через проволоку не нашлось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.